

А. Неминуцкий

«Юбилейный текст» у Чехова

В течение относительно недолгой жизни у Чехова было несколько поводов каким-либо образом отметить возрастные (и не только возрастные) «круглые» даты. Шестнадцатого января 1885 года писателю исполнилось двадцать пять лет, затем последовали тридцати- и тридцатипятилетие, а за несколько лет до кончины был пройден и сорокалетний рубеж. В 1900 году миновало двадцать лет с начала литературной карьеры прозаика и драматурга.

Однако никакие из доступных источников (прежде всего мемуары и письма) не свидетельствуют о том, что знаменательные даты вызывали у виновника (или его окружения) соответствующий ажиотаж. Если судить по переписке, двадцатипятилетний юбилей был либо вовсе проигнорирован, либо прошел как скромное семейное торжество в московском доме Чеховых.

Тридцатилетие Чехов встречает в Петербурге, где занимается отнюдь не юбилейными хлопотами. На следующий день после, видимо, не состоявшегося празднования он отправляет несколько писем разным адресатам, среди которых был и М.И. Чайковский, 20 января 1890 года подает прошение начальнику главного управления тюрем М.Н. Галкину-Враскому с просьбой оказать содействие в путешествии на Сахалин.

Свое тридцатипятилетие Чехов отмечает в Мелихово, в кругу родственников, причем, судя по всему, даже не все члены семьи оказались в этот день рядом с именинником, ибо 16 января была отправлена телеграмма сестре Марии Павловне, которая жила в это время в Москве. Ничего похожего на раздумья о пройденном пути, приличествующее пусть скромному, но все же юбилею, подведение итогов в чеховском эпистолярии обнаружить невозможно, если не считать полушутливой реплики в послании В.В. Билибину от 18 января 1895 года: «Я живу в деревне, изредка наведываюсь в Москву, где ем устриц. Старею. Денег нет. Орденов нет. Чинов нет. Долги есть»¹.

Сороковой день рождения застал Чехова в Ялте, в его «крымском заточении» и, разумеется, не мог быть отмечен с подобающим размахом,

хотя эта дата почти совпала с присуждением писателю звания почетного академика. Именно последнее обстоятельство стало поводом для направленного в адрес Чехова потока телеграмм и писем. Непосредственные же поздравления и подарок он получил только от начальницы ялтинской женской гимназии Варвары Константиновны Харкеевич.

Нет оснований утверждать, что Чехов относился к разного рода знаменательным датам совершенно индифферентно. Какие-то более или менее определенные оценки все же обозначаются, и прежде всего в том же чеховском эпистолярии. Например, несколько дней спустя после своего тридцатипятилетия он не без горечи сообщил А.С. Суворину: *«Третьего дня я был именинник: ожидал подарков и не получил ни шиша»* (П., VI, 15). А в письме к сестре от 15 января 1900 г., рассуждая уже не о своем, а о чужом юбилее, писатель высказывается достаточно принципиально: *«Получил сегодня письмо от “Курьера” — приглашение участвовать в 20-летнем юбилее Гольцева. <...> Эта глупая московская сентиментальность поставит в фальшивое положение прежде всего самого В.А. Никто никогда не празднует 20-летних юбилеев, и если бы какой-нибудь чиновник или актер стал праздновать свой 30-летний юбилей, то первый осмеял бы его “Курьер”. О, как хорошо, что никому не известно, когда начал писать»* (П., IX, 14).

В принципе, отношение Чехова и его ближайшего окружения к юбилеям может быть определено как специфическое, поскольку традиция празднования (иногда весьма пышного) разного рода памятных и знаменательных дат, актерские бенефисы и т. д. именно во второй половине и конце XIX века была уже достаточно глубоко укорененной. Причем степень этой укорененности носила массовый характер, в каком-то смысле эта традиция стала частью быта различных слоев общества².

Вышеописанное позиционирование Чехова, безусловно, еще и некий культурный жест, но его семантика имеет в данном случае все же ограниченный, житейски-бытовой характер.

Функции переходного звена между реальностью и литературой в плане развертывания «юбилейного текста» выполняют чеховские записные книжки, где фиксируются своеобразные заготовки сюжетов, портретные характеристики, афоризмы, экзотические топонимы, имена и многое другое.

Юбилейный мотив представлен здесь достаточно скромно (если иметь в виду количественный аспект), и прежде всего в формате редуцированных сюжетных прототипов. Обращает на себя внимание то, что все эти фрагменты содержат негативную, а иногда и сатирическую коннотацию.

К такому ряду относится, например, заметка о некоем учителе, утверждавшем, что не следует праздновать столетний юбилей Пушкина, поскольку он ничего не сделал для церкви (С., XVII, 62), или о безымянном персонаже, использующем юбилейные торжества исключительно для демонстрации собственной значимости (при реальной ничтожности).

Но, может быть, наиболее показательны две своеобразные «мини-новеллы», включенные в состав так называемой 1-й записной книжки, записи в которой делались в 1891—1904 годах. В первом случае речь идет о праздновании двадцатипятилетнего юбилея работы издательства: «Слезы, речь: “Жертвую 10 руб. в пользу литерат[урного] фасада для выдачи процентов беднейшим и с тем, чтобы была назначена особая комиссия для выработки правил выдачи”» (С., XVII, 65). Второй текст, пожалуй, наиболее однозначно интерпретирует идею профанации юбилейного ритуала: «Праздновали юбилей скромного человека. Придрались к случаю, чтобы себя показать, похвалить друг друга. И только к концу обеда хватились: юбиляр не был приглашен, забыли» (С., XVII, 70).

Оправдывающая предыдущую ситуацию новеллистическая пуанта (на юбилее забыли о юбиляре) вводит в приведенный текст еще и мотив абсурдности действия, его нелогичной «вывернутости».

Прозаические и драматургические опыты Чехова содержат значительную часть тех семантических маркеров «юбилейного текста», о которых уже шла речь. Сразу же надо отметить, что и в художественном творчестве писателя сюжеты, так или иначе связанные с юбилейными торжествами, относятся к явной периферии, хотя в пределах чеховского мировидения понятия «значимое» и «малозначимое» разделены весьма условной границей.

Строго говоря, к чисто «юбилейным» можно отнести всего три текста: одну из реальных «мелочишек» под названием «Мой юбилей», опубликованную в 1880 году на страницах журнала «Стрекоза», рассказ «Юбилей» (1886), увидевший свет в «Петербургской газете», и, конечно, водевиль в одноименным названием, работу над которым Чехов завершил в 1902 году.

В этот же ряд с некоторыми оговорками встраивается и монолог Гаева из последней чеховской пьесы, обращенный к изготовленному сто лет назад книжному шкафу.

За исключением первого (имитирующего жанр открытого письма) и последнего текстов, остальные воспроизводят собственно юбилейный ритуал.

К. Леви-Стросс утверждал в свое время, что ритуал вообще представляет собой «совокупность обязательных установок и поведенческих действий»³. С точки зрения ученого, базой таких действий являются индивидуальные чувства, которые требуют коллективного выражения⁴.

Совершенно очевидно, что юбилейный ритуал предполагает еще и установку на асимметрию, временное нарушение привычного течения жизни, демонстрацию необыденности происходящего, как бы приподнятого над уровнем будней. По формальным признакам все основные компоненты торжественного обряда в чеховских «юбилейных текстах» присутствуют. Так, герой водевиля «Юбилей», директор отмечающего пятнадцатилетнюю юбилейную дату банка Шипучин озвучивает по этому поводу

соответствующую декларацию: «...дома у себя я могу быть мещанином, парвеню и слушаться своих привычек, но здесь все должно быть *en grand*» (С., XII, 209). Персонажи рассказа «Юбилей» (1886), актеры, собравшиеся на чествование своего товарища в связи с его двадцатилетним служением на сцене, также исполняют необходимый минимум ритуальных действий: обед по подписке, торжественные речи, вручение подарка юбиляру. Но пафос чеховского «юбилейного» текста, как можно уже было убедиться, не есть прокламация нормы, но скорее наоборот, ее деформации и конечного разрушения.

Так, скажем, торжественная речь одного из участников банкета в рассказе «Юбилей» превращается по сути дела в инвективу: *«Послушай, Вася... Честное мое слово... накажи меня господь, у тебя есть талант! <...> И ты далеко бы, брат, пошел, если б не эта штука (оратор щелкнул себя по шее) и если б не твой собачий характер... Черт тебя знает, везде ты лезешь в драку и в ссору...»* (С., V, 453).

Директор банка Шипучин (уже из водевиля «Юбилей») и вовсе сочиняет приветствие самому себе, которое должны зачитать служащие и вручить патрону серебряный жбан, самим же виновником торжества и купленный по такому случаю.

Персонажи чеховского «юбилейного текста», по точному замечанию Б.И. Зингермана, очень хотят соответствовать ритуалу — «...быть *en grand*, импонировать, принимают торжественную позу»⁵. И в самом деле, собравшиеся для чествования товарища актеры изо всех сил пытаются церемонно вкушать яства с банкетного стола, преподносят юбиляру купленный в складчину альбом с золотым теснением на обложке и собственными памятливыми фотографиями в нем. Директор банка облачается во фракную пару и с гордостью готовится продемонстрировать ожидаемой депутации роскошный интерьер: обитую бархатом мебель, цветы, ковры.

Но удержать заявленный уровень участникам торжественного действия никоим образом не удастся. Благостное до поры до времени выражение физиономий участников юбилейного обеда оказывается не более чем фальшивой маской: под обложкой с золотым тиснением в подаренном альбоме открывается настоящий паноптикум: *«Вместо лиц были какие-то рожи с кривыми ртами, приплюснутыми носами и с слишком прищуренными или неестественно выпученными глазами. Ни один галстук не сидел на месте, все рожи имели звериное выражение...»* (С., V, 452).

Уже начавшееся было юбилейное торжество в упомянутом чеховском водевиле подвергается испытанию на соответствие ритуальным требованиям сначала появлением супруги директора банка, изводящей мужа в самый неподходящий момент рассказами о невероятных любовных историях, а затем выражением совершенно фантазмагоричной просительницы Мерчуткиной, вообще повергающей юбиляра в состояние прострации.

Можно сказать, что «юбилейный текст» у Чехова имеет в каком-то смысле характер диагноза: участники обряда оказываются глубоко инфицированными той самой «натурой», замашками и привычками, которая находится вне пределов торжественного ритуала. Преодолеть обыденную шаблонность поведения, плохо управляемую агрессию, неискоренимые привычки парвеню все вовлеченные в пределы художественного мира «юбилейного текста» персонажи оказываются не в состоянии. По этой причине юбилей в интерпретации Чехова, как правило, становится своеобразной версией «ярмарки тщеславия», демонстрирующей непрочно держащиеся на физиономиях участников карнавальные маски.

В этой связи событийная система подобного рода текстов укладывается в рамки выделенной В.Б. Катаевым важной смысловой оппозиции чеховского художественного мира: «казалось» — «оказалось»⁶. Готовится торжество, которое до определенного момента таковым и является, но неизбежно происходит разрушение, даже катастрофа ритуала, превращающегося в обыденность, скандал, неприличие.

Очевидно также, что в пространстве «юбилейного текста» Чехова реализуются его важные мировоззренческие, этические и эстетические установки. Бытие в целом писатель всегда оценивал как процесс, установление рубежей внутри которого он мыслил как одну из стереотипных условностей. (Отсюда, по-видимому, известное равнодушие к собственным юбилейным датам.) Социально же опыт Чехова, скорее всего, диктовал отношение к юбилейным торжествам как к дани, приносимой во многом омертвевшему ритуалу, в ходе которого человек переживает искус замены трезвого, непредвзятого взгляда на себя и окружающий мир деформирующими этот взгляд иллюзиями.

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по изд.: *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1974—1983. Сноски даются в скобках за текстом с указанием серии: С — сочинения, П — письма, номера соответствующего тома и страницы.

² См. об этом: *Уварова Е.Д.* Как развлекались в российских столицах. СПб., 2004. С. 75.

³ *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. М., 1994. С. 77.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ *Зингерман Б.И.* Очерки истории драмы XX века. М., 1979. С. 57.

⁶ *Катаев В.Б.* Проза Чехова: проблемы интерпретации. М., 1979. С. 21—30.

